

УДК 821.161.1

Н. А. Темирова

**НУМЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД
В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА
«ТРЕХЧАСТНЫЙ СИБЛИНГ»**

На материале рассказа Н. Кононова исследуется нумерологический код, связанный с вопросом о порождении множественности из единичного я (ego). Приращение количества объектов обеспечивается динамическим тождеством $N = N + 1$. Рассматриваются как явные, так и скрытые способы репрезентации этого кода, основанные на игровых возможностях языка и интертекстуальных отсылках.

Based on N. Kononov's short story, this article analyses the numerological code relating to the generation of the plural from the singular I (ego). An increase in the number of objects is accounted for by the dynamic equation $N = N + 1$. The author examines both the visible and hidden techniques of the code representation based on the game possibilities of the language and intertextual references.

Ключевые слова: Николай Кононов, «Трехчастный сиблинг», нумерологический код, система местоимений, языковая игра, анаграмма, интертекст.

Ключевые слова: Nikolai Kononov, "Tripartite sibling", numerological code, pronoun system, language game, anagram, intertext.

В настоящей статье будет рассмотрена специфика нумерологического кода и способы его репрезентации в рассказе Н. Кононова «Трехчастный сиблинг» (2002).

Как показала М. Дмитриевская [2], в основе философско-художественной системы Н. Кононова лежит механизм порождения множественности из единичного я (*ego*). Порождает эту множественность ситуация, при которой персонаж оказывается *раздвоен, раздвоеN*, что может быть представлено в виде квазиматематической записи *раз, двое... N*, где *N* – переменная для обозначения бесконечного натурального ряда чисел. Дробление *ego* одновременно порождает и увеличение количества. Исходная формула порождает парадокс счета, поскольку при $N = 3$ окажется, что $2 = 3$, если же субъект *растроен, рас, трое... N* – то $3 = 4$ и так далее, то есть $N = N + 1$. Это порождает вибрацию между неким числом и числом, большим на единицу. Несмотря на индивидуальные формы реализации этого компонента в разных произведениях, его общий скрытый код остается единым. Сущность этого кода заключается в его динамическом характере, что «соответствует бесконечности дробления единого я (*ego*) или, что то же самое, собиранию единого я (*ego*) из бесконечного множества людей» [2, с. 273].

Само название рассказа «Трехчастный сиблинг» содержит в себе семантику множественности. *Сиблинг* (от англ. *sib* ‘родство’) – термин из области генетики, обозначающий «одного из двух или более детей в семье (брат, сестра)» [3], при этом оговаривается, что дети в семье должны быть полнородными братьями и сестрами, но не являться близнецами [4]. Таким образом, являясь термином, *сиблинг* отсылает к слову *семья*, которое в дальнейшем у Н. Кононова подвергается скрытому игровому переразложению и фактически превращается в *семь – я*, то есть 7 я.

Повествование в рассказе ведется от первого лица и представляет собой воспоминания рассказчика, описывающего, по его же словам, «милую *семейку*» [5, с. 97]¹, членом которой он являлся. Семья эта представляла собой «странный союз» [5, с. 87] между одной женщиной и двумя мужчинами. Количественный состав семьи в течение рассказа последовательно подвергается приращению за счет постепенного увеличения числа входящих в нее мужчин. При этом в центре союза остается их общая жена и ее ребенок от первого брака. Терминологически такой вид брачных отношений определяется как *многомужество*, или *полиандрия* (от др.-греч. полу- ‘много’ + *ἀντήρ, ἀνδρὸς* ‘муж, мужчина’), и характеризуется равными правами сексуального доступа к жене. Одна из форм полиандрической семьи – *фратеральная*, или *братская*, при которой входящие в брачный союз мужчины – братья [7]. И хотя в рассказе мужа братьями не являются, повествователь отмечает, что «все-таки мы были как-то *породнены*» [5, с. 91]. Никакой конкуренции между мужчинами нет, рассказчик даже говорит о втором мужчине, что «любил его любовью *брата*» [5, с. 100]. Здесь строчка из романа «Евгений Онегин» («Я вас люблю *любовью брата* / И, может быть, еще нежней» [6, с. 72]) подвергается обыгрыванию и намеренному искажению. В оригинале пушкинские строки адресованы Татьяне, у Н. Кононова – второму мужу. Это различие значимо, поскольку переносит смысловой ак-

¹ Курсив в цитатах везде наш. – Н. Т.

цент с отношений между мужчиной и женщиной на отношения между мужьями, которые определяются как братские, что поддерживается и названием самого рассказа «Трехчастный сиблинг». Примечательно, что одна из номинаций второго мужа — «грустный-грустный ослик Иа» [5, с. 92]. Фонетическая взаимооборачиваемость Иа = Я, указывает на соответствующую взаимозаменяемость и в системе персонажей, где *я* и *он* меняются местами, что актуализирует значимую для Н. Кононова тему двойничества.

«Трехчастность», соответствующая изначально описываемой структуре семьи, проецируется Н. Кононовым на структуру произведения, которое состоит из трех частей, каждая из которых пронумерована и озаглавлена. Первая часть, составляющая более 95 % объема текста, получает название «Первая часть, длинная», вторая часть, состоящая из семи строк, — «Часть вторая, совсем короткая», третьей же части по сути не существует, от нее остается лишь название и ироничное представление автора: «А вот и часть третья, которой по многим причинам не будет». Тем самым 3 части = 2 части, поскольку одна часть отсутствует, она фантомна, а сам рассказ двухчастен. Таким образом, лежащая в основе рассказа структура соответствует приведенной выше формуле и служит подтверждением парадоксального счета. Структура рассматриваемого рассказа соотносится с *ego* (первая часть, большая), его отражением (вторая часть, маленькая) и следующей за этим множественностью (третья часть фантомна).

На всем протяжении рассказа подчеркивается значимость числового компонента со значением троичности. Так, трое снимают однокомнатную квартиру у «*троицы девиц*» [5, с. 88], в этой квартире «*три стула*» [5, с. 88], которые герои загромождают, чтобы хозяйки не обнаружили, что их «*трехлитровая банка с медом*» [5, с. 89] пуста. Готовясь к переезду, герои собирают «*три мешка*» [5, с. 89] домашнего скарба и т. д. «О это магическое число *три*» [5, с. 88], — резюмирует герой. Трехчастность, имеющая отношение к структуре семьи, поддерживается номинацией «*марьяж де труппа*» [5, с. 97], но последовательно подвергается обыгрыванию, что ведет к умножению персонажей.

Пока повествователь «был приходящим платоническим *третьим*» [5, с. 88], все они — женщина, ребенок и другой мужчина — жили в однокомнатной квартире. Далее герои переезжают в «очень плохую *двухкомнатную квартиру*» [5, с. 87]: «Мы жили *втроем* — она одна и двое нас, и еще один приходящий» [5, с. 87].

Парадокс счета состоит в изменении количества квартирантов в сторону увеличения. Так, называя себя «платоническим *третьим*», повествователь является фактически четвертым, а ведя речь о жизни «*втроем*», на самом деле описывает жизнь вчетвером. При этом персонажу, с которым связано приращение количества, присуща некоторая неполновесность (ребенок, а не взрослый; приезжающий, а не живущий постоянно). Ребенок в продолжение рассказа упоминается всего дважды — без указания пола.

После смерти отца одного из мужей становится возможен переезд героев из *двухкомнатной* квартиры в *трехкомнатную*, которая метафорически определяется как «*трехкомнатная юдоль слез*» [5, с. 97]. Выражение «*трехкомнатная квартира*» интересно с точки зрения игры с

числами. Слово *квартира* восходит к лат. *quartārius* «четверть, квартал», производному от *quartus* «четвертый». Этимологически слово *юдоль* связано со значением «участь», первонач. «долина», оно родственно словам *делить*, *доля*, *удел* [8, т. 4, с. 528], что отсылает к процессу деления, дробления. Трехкомнатная квартира, *юдоль*, может быть представлена в виде дроби $\frac{3}{4}$, что также иллюстрирует числовые колебания.

Текст рассказа соединяет в себе как собственно повествование, так и воспроизведение прямой речи — и в единичных репликах от 1-го лица, и в диалогах. Вместе с тем вскрывается недостаточность системы местоимений, основанной на наличии трех лиц, поскольку местоимение «он» теперь приходится постоянно уточнять, например «наш он» [5, с. 92], «я-он» [5, с. 88], «не тот он» [5, с. 101] и т.д. Потребность в обозначении местоимениями персонажей, не имеющих имени, превышает возможности языка. Повествователь пытается остаться в системе грамматических трех лиц (трехчастной системе), но выпадает из нее и из семьи. В случаях, когда «появлялся наездами *третий*, то есть в общей сумме *четвертый*» [5, с. 91], ему приходится на время покинуть семью, чтобы освободить место не только физически, но и в самой грамматической системе языка. Потребность в уточнении возникает и в случаях употребления форм местоимений мн. ч.: «они, то есть лишь *он*, *она* и *дитя*» [5, с. 88]; «нам — *ей* и *мне* — не хотелось этого замечать» [5, с. 90].

Парадоксальная формула $N = N + 1$ поддерживается и на уровне номинации семьи: «Мы странным союзом — то *квадригой*, то *триумвиратом* снимали... *квартиру*» [5, с. 87]. В данном случае союз одной женщины одновременно с несколькими мужьями получает номинацию «*триумвират*», хотя в соответствии с общепринятым значением *триумвират* (от лат. *tres* «три» и *vir* «муж», «союз трех мужей») — политическое соглашение, союз влиятельных политических деятелей и полководцев в Риме в период гражданских войн I века до нашей эры, направленный на захват государственной власти [7]. Но в рассказе *триумвиратом* назван бытовой союз *трех* мужей. Как и в случае с *полиандрией*, в термине *триумвират* также нет указания на женщину или детей. Параллельно этот союз получает еще одну номинацию, отсылающую читателей к античным временам, — «*квадрига*», чем вводится семантика четверичности. *Квадрига* — античная двухколесная колесница с *четырьмя* запряженными конями. Одновременно происходит активация зооморфного кода, который прослеживается на протяжении всего рассказа.

Педалируемая в тексте троичность поддерживается и интертекстуальными отсылками, плотность которых в рассказе настолько высока, что повествователь отмечает: «...наша речь была центонна» [5, с. 95]. Описывая сбор вещей для переезда, повествователь говорит: «Колокольчик, дар Валдая, утомительно звенит» [5, с. 89]. Эти строки отсылают сразу к двум источникам: к тексту романса Ф. Глинки «Вот мчится *тройка* удалая...»² и к стихотворению А. С. Пушкина «Зимняя дорога»³.

² «Вот мчится *тройка* удалая / Вдоль по дорожке столбовой, / И колокольчик, дар Валдая, / Звенит уныло под дугой» [1, с. 927].

³ «По дороге зимней, скучной / *Тройка* борзая бежит, / Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит» [6, с. 159].

Общность образного ряда двух источников (*тройка борзая / удалая, колокольчик утомительно / уныло гремит / звенит*) позволяет органично соединить оба претекста.

Помимо очередных колебаний в числовом отношении между тремя и четырьмя лошадьми (*тройка – квадрига*) Н. Кононов обыгрывает словосочетание «*столбовая дорожка*». Добираются герои до нового жилища на автобусе под управлением пьяного водителя, и «если бы не *фаллос столба*, мы бы оказались в Волге» [5, с. 90], — констатирует повествователь, одновременно сворачивая все к семантике единичности.

Интертекстуальные отсылки, реализуемые в разных формах, работают на поддержку основных смысловых доминант рассказа, таких как семья и ее структура. Одной из таких отсылок являются строки «У границы тучи ходят хмуро. / Край свинцовый тишиной объят» [5, с. 90] из известной песни военных лет «Три танкиста». При обращении к претексту можно выявить ряд смысловых пересечений, получающих в контексте рассказа новое звучание. «Там живут — и песня в том порука — / Нерушимой, крепкою *семьей* / Три танкиста, три веселых друга — / Экипаж *машины* боевой» [9]. Три друга соотносятся с героями рассказа «Трехчастный сиблинг», они также являются *семьей* с той только разницей, что у танкистов общая боевая машина, в которой они находятся втроем, а у героев — общая жена.

Приращение семьи за счет появления нового мужчины прослеживается и через подвергшуюся трансформации в целях создания комического эффекта метафору «поп — оптоволоконный лоб» [5, с. 91], отсылающей читателя к «Сказке о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина. Семья попа, состоящая из самого попа, попадьи, поповны, попенка, увеличивается еще на одного, на работника Балду, поскольку «Попадья Балдой не нахвалится, / Поповна о Балде лишь и печалится, / Попенок зовет его *тятей*» [6, с. 306]. Включение работника Балды в состав семьи попа также поддерживается и этимологией слова *семья*, отсылающая к др.-русск. *сѣмиа* «челядь, домочадцы, семья» и русск.-цслав. *сѣмь* «*persona*», *сѣмиа* «невольник, домочадец» [8, т. 3, с. 600].

Есть и другие параллели, указывающие на сходство работника Балды и повествователя из рассказа Н. Кононова, который говорит о себе: «Я оставался одним кормящим мужем» [5, с. 93]. У Пушкина же читаем: «Живет Балда в поповом доме, / Спит себе на соломе, / Ест за *четверых*, / Работает за *семерых*» [6, с. 305]. Пушкинская нумерология («ест за четверых», следовательно, 1 = 4; «работает за семерых», следовательно, 1 = 7) совпадает с кононовской.

Выявленные нумерологические колебания, ведущие к приращению количества при счете, прослеживаются в системе персонажей и далее, создавая все большую степень иллюзорности: приезжающий третий муж присутствует эпизодически и не является полноценным членом семьи, а появляющийся в конце рассказа мужчина-«баян», занявший место повествователя, напоминает скорее фантом.

Наряду с отсылками, носящими явный характер, есть более скрытое обращение к интертексту. Так, общая жена, будучи «изобильно украшена» [5, с. 100] кольцами, «стала походить на индийскую богиню Ка-

ли» [5, с. 100]. Кали отсылает к Кали-юге и тем самым к «Махабхарате», главными героями которой являются пять братьев Пандавов и их общая жена Драупади. Эта брачная структура в точности совпадает с системой персонажей рассказа.

При итоговом подсчете упоминаемых мужчин-участников этого союза оказывается, что даже номинация *квадрига* оказывается недостаточной:

- 1) я, повествователь;
- 2) он; «мой он, не тот он» [5, с. 101], «наш он» [5, с. 92];
- 3) бывший муж;
- 4) «третий, в общей сумме четвертый» [5, с. 91], «тот он» [5, с. 101], «четвертый отдельно живущий друг» [5, с. 94];
- 5) «роскошный мужчина средних лет» [5, с. 101].

В рассказе из единичного *я* (*ego*) игровым образом порождаются пять человек, образующих мир героя. Если принять во внимание их общую жену и вскользь упоминаемого ребенка, то совокупное количество участников этого союза становится равным семи, они семья, *семья*, семь раз повествователь, семь его отражений.

Нумерологический код у Н. Кононова связан с фундаментальным вопросом о миропорождении из единичного *я*, и рассказ «Трехчастный сиблинг» служит яркой иллюстрацией особенностей этого кода.

Список литературы

1. *Песни и романсы русских поэтов*. М. ; Л., 1963.
2. *Дмитровская М.* Коли муза Клио: история души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланёр» // Новое литературное обозрение. 2014. №4. С. 266–284.
3. *Жмуров В. А.* Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. М., 2012. URL: <http://vocabulary.ru/dictionary/978> (дата обращения: 25.04.2015).
4. *Кондаков И. М.* Психологический словарь. М., 2000. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 25.04.2015).
5. *Кононов Н.* Саратов. М., 2012.
6. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Л., 1978. Т. 5.
7. *Социологическая энциклопедия* : в 2 т. М., 2003. Т. 2. URL: <http://dic.academic.ru/> (дата обращения: 25.04.2015).
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1987.
9. *А-pesni*. Песенник анархиста-подпольщика : [сайт]. URL: <http://a-pesni.org/ww2/oficial/3tankista.php> (дата обращения: 24.06.15).

Об авторе

Наргиза Абдумаликовна Темирова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: temirova@10lic.ru

About the author

Nargiza Temirova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: temirova@10lic.ru